

Алексей Калугин

Рождество рядового Берковица

*Часть сборника
Время – назад! (сборник)*

Первая Марсианская

Алексей Калугин

Рождество рядового Берковица

«ЭКСМО»

2000

Калугин А. А.

Рождество рядового Берковица / А. А. Калугин — «Эксмо»,
2000 — (Первая Марсианская)

«Мне почудилось, что я умер. Черт возьми, это оказалось совсем не так уж плохо, как представляется живым. В особенности тем, кто ни разу не попадал к нам на переднюю линию обороны в тот момент, когда трагги ведут массированный артобстрел...»

© Калугин А. А., 2000

© Эксмо, 2000

Алексей Калугин

Рождество рядового Берковица

Мне почудилось, что я умер.

Черт возьми, это оказалось совсем не так уж плохо, как представляется живым. В особенности тем, кто ни разу не попадал к нам на переднюю линию обороны в тот момент, когда трагги ведут массированный артобстрел.

Я подумал, что умерли все. Я – это уж само собой. А также командир нашего расчета лейтенант Шнырин и двое моих приятелей – рядовые Динелли и Берковиц, – с которыми я вместе сидел вот уже пятую неделю в грязной и вонючей песчаной яме рядом со здоровенным стальным монстром, из которого мы время от времени, выполняя приказания командования, палили куда-то в небо. Весь расчет строился на том, что наши снаряды непременно угодят в окопы траггов. Возможно, так оно и было. Да только нам об этом ничего не известно. Мы предпочитали не высовываться за бруствер своего окопа. Так было проще, война превращалась в набор рутинных действий, которые каждый из нас должен был выполнять.

Так продолжалось до тех пор, пока шальной снаряд траггов, пролетевший по какой-то совершенно немыслимой траектории, не взорвался, зарывшись в заднюю стенку нашего окопа.

Наибольшее удовольствие мне доставляло полное безмолвие, присущее, как выяснилось, потустороннему миру. Тишина на войне – сама по себе вещь почти немыслимая. Все время вокруг тебя что-нибудь грохочет, стреляет или взрывается. На худой конец – командир орет как оглашенный, пытаюсь перекрычать треск статических помех, в надежде, что его доклад будет услышан на командном пункте. В такие минуты у меня порою возникали сомнения, есть вообще кто живой на противоположном конце линии связи или же лейтенант просто орет в пустоту, дабы убедить себя и нас, что командование о нас пока еще не забыло?

Нет, конечно же, о нас не забывали. Доставка провианта, воды, писем и – что самое главное! – боеприпасов осуществлялась бесперебойно. Незадолго до накрывшего нас взрыва с той стороны песчаной пустыни, которую мы отчаянно обороняли, к окопу подъехал радиоуправляемый автокар и свалил на землю груду алюминиевых ящиков. Ко всеобщей радости, среди стандартных маркированных контейнеров оказался еще и мешок с почтой.

Разбросав в сторону ворох газет, которые давно уже никто не читал, мы выгребли из мешка письма. Три письма лейтенанту Шнырину, одно – мне и по два Динелли и Берковицу.

Последнему, помимо писем, предназначалась и небольшая картонная коробка.

– Это от мамы, – благоговейным полусшепотом сообщил Берковиц, взяв в руки посылку.

Мы все, затаив дыхание, наблюдали, как он открывал коробку. Словно надеялись, что сейчас произойдет какое-то чудо.

Но чуда не произошло. В коробке находился торт домашней выпечки, от которого за то время, пока посылка проходила по всем инстанциям армейской пересылки, а затем летела с Земли на Марс, остались только твердые, как камень, бесформенные и местами заплесневевшие куски. Берковиц попытался было погрызть один из них, размочив предварительно в кружке с горячим чаем, но, едва только попробовав то, что получилось, выплюнул и закинул коробку в дальний угол окопа, где у нас находилась мусорная куча.

Предварительно Берковиц достал из коробки пару красных шерстяных носков ручной вязки. С ними-то за время доставки ничего не случилось.

Натянув один из носков на руку, Берковиц сначала понюхал его, а затем, чуть наклонив голову, медленно провел им по грязной, заросшей недельной щетиной щеке.

Неожиданно выражение лица Берковица изменилось. Он быстро сдернул носок с руки. В руке, зажатая между средним и указательным пальцами, осталась небольшая прямоугольная открытка, на которой была изображена наряженная елка.

– Это что еще такое? – удивленно посмотрел на открытку лейтенант.

Берковиц перевернул небольшой глянцевый прямоугольник и прочитал текст на обратной стороне открытки.

– Поздравление с Рождеством, – сказал он.

И его тонкие губы расплылись в счастливой улыбке.

– С Рождеством? – удивленно переспросил я. – Разве уже был Новый год?

– У вас, русских, все не как у людей, – усмехнувшись, махнул на меня рукой Динелли. – Рождество приходит на неделю раньше Нового года.

– Да ну? – недоверчиво посмотрел я на Динелли – итальянец был мастером на всевозможные розыгрыши.

– Точно, – кивком подтвердил его слова лейтенант Шнырин. – У католиков Рождество наступает на неделю раньше Нового года.

– Слушай, а ты разве не еврей? – спросил я у Берковица.

– Еврей, – кивнул он.

– Так какой же ты, в таком случае, католик?

– А я и не говорю, что я католик.

– Разве у евреев тоже бывает Рождество?

– Для нас, точно так же, как и для подавляющего большинства тех, кто чисто формально причисляет себя к христианскому миру, Рождество давно уже стало праздником, не имеющим никакого отношения к религии, – ответил мне Берковиц. – Скорее это что-то вроде подготовки к празднованию Нового года.

– А где же, в таком случае, официальное поздравление от командования? – поинтересовался Динелли.

– Откуда мне знать? – пожал плечами лейтенант. – Кто-нибудь вообще-то знает, какое сегодня число?

Ответить ему не смог никто.

С того момента, как мы десантировались на Марс, время для нас перестало существовать. Оно исчезло неизвестно куда: то ли оказалось разорванным в клочья воющими, словно бешеные псы, снарядами траггов, то ли растворилось в нашем собственном тягостном ожидании очередного артобстрела. Наверное, и красноватые марсианские сумерки так же не способствовали быстрой и безболезненной адаптации к новому режиму смены дня и ночи. Хотя скорее всего все дело заключалось в том, что после недельного пребывания в окопах всем нам стало до такой степени омерзительно и одновременно безразлично все происходящее вокруг, что мы подсознательно перестали обращать внимание на ход времени. В конце концов, какая разница, как долго ты просидишь в грязном, вонючем окопе, питаешься просроченными консервами, вызывающими не столько чувство насыщения, сколько мучительную изжогу, и запивая их абсолютно безвкусной коричневатой бурдой, которую, в зависимости от того, что значилось на этикетке, мы называли то чаем, то кофе, если в конечном итоге всех нас ожидал один и тот же подарок – случайно залетевший в окоп вражеский снаряд.

Случайно – потому что конкретно в наш или в чей-то другой окоп трагги, конечно же, не целились. Они просто молотили наугад по нашей территории. А мы отвечали им тем же самым.

Такая война могла продолжаться до бесконечности.

Но вот из-за чего она, собственно, началась, мы, те, кто вот уже без малого два месяца сидит, зарываясь все глубже в красноватый марсианский песок, скорее всего никогда уже не узнаем. Войну начинают президенты и стоящие за их спиной генералы. Нам же, простым рядовым, сержантам, как, впрочем, и младшим офицерам вроде командира нашего артиллерийского расчета лейтенанта Шнырина, предоставляется только право героически погибнуть на этой войне. Если полистать газеты, которые мы давно уже не читаем, то на страницах, где речь идет о боевых действиях, можно найти списки особо отличившихся и получивших за это высокие пра-

вительственные награды солдат вместе с описаниями совершенных ими подвигов. Возможно, на Земле эти сводки кто-то и принимает за чистую монету, но мы-то отлично знаем, чего они стоят. Человека разорвало на куски снарядом трагтов, когда он вылез из окопа, чтобы, спустив штаны, посидеть спокойно на корточках пару минут в стороне от всех, а в газете напишут, что он героически погиб во время боевой операции, до конца исполнив свой солдатский долг.

Тупая, бестолковая война.

Наверное, все было бы не так ужасно, если бы каждый из нас мог четко представить себе, ради чего мы сражаемся и гибнем на планете, до которой прежде никому на Земле не было никакого дела.

На идее колонизации Марса был поставлен большой и жирный крест лет десять назад, после того, как очередная попытка отыскать на нем запасы воды завершилась неудачей. Вода на Марсе была, но не в тех количествах, какие требовались для того, чтобы колонисты могли начать полномасштабную хозяйственную деятельность. А может быть, нам просто не удалось ее найти. Какая разница. Суть в том, что Международная организация стратегического планирования, заслушав очередной доклад представителя Комитета по аэронавтике и исследованиям космического пространства, вынесла вердикт, что деньги налогоплательщиков, вкладываемые в изучение Марса, расходуются понапрасну. Все. Программе исследования и освоения планет Солнечной системы пришел конец. Предназначенные для нее средства были направлены в иное, более перспективное русло.

На Марсе продолжали работать две или три геологические экспедиции. Но все это была рутина. Мы просто обозначали там свое присутствие, а вовсе не пытались отыскать пути к потенциальным богатствам почти неисследованной планеты. С теми скудными средствами, что были в распоряжении организаций, занимавшихся изучением Марса, они не имели практически никаких шансов сделать открытие, которое смогло бы вновь привлечь к нему внимание широкой общественности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.